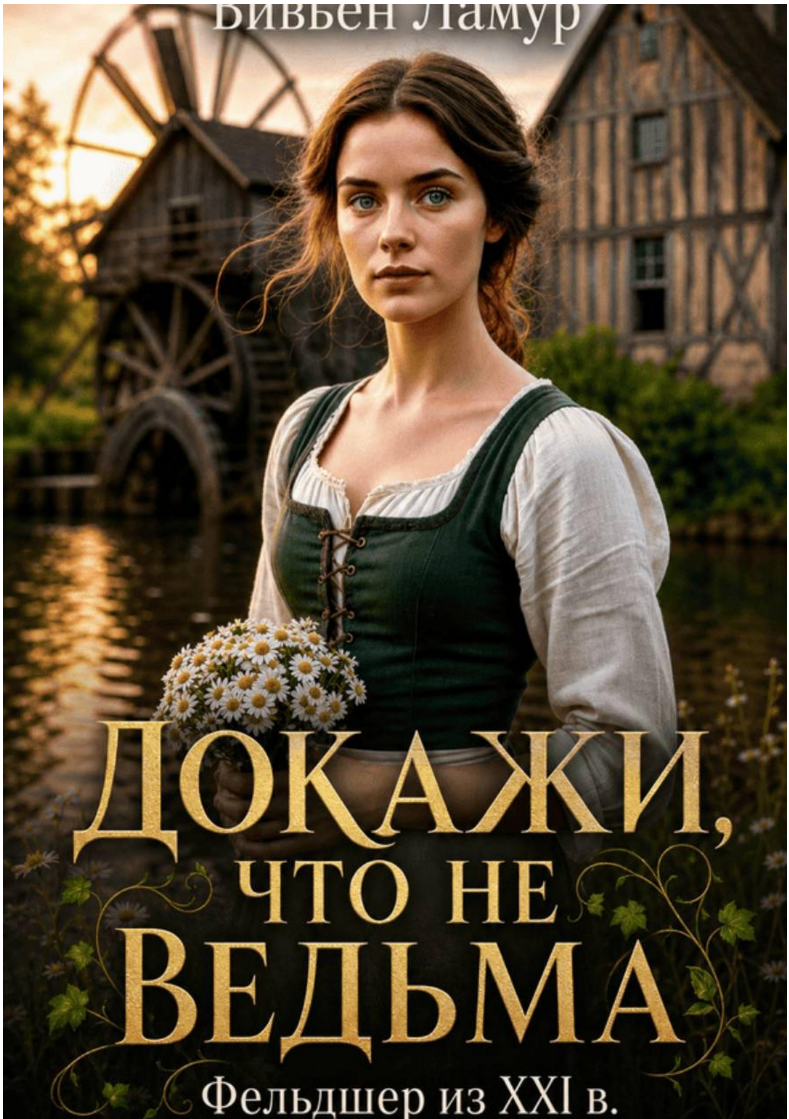
Вивьен Ламур
Докажи, что не ведьма
Фельдшер из XXI в.

Вивьен Ламур

Докажи, что не ведьма

https://litres.ru/74969098
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня сбила машина. А очнулась я в телеге, под звездами, в теле какой-то грязной оборванки. Меня подобрал мельник, чья дочь кашляла так, что у меня, фельдшера скорой с двенадцатилетним стажем, сжималось сердце.

Только в этом времени я оказалась без аптечки, без антибиотиков и без права на ошибку.

В Англии 1665 года женщины-врачи были только ведьмами. А вокруг уже шептались: «Чума». И если я не докажу, что умею лечить, меня сожгут раньше, чем эта зараза заявит о себе в полную силу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вивьен Ламур
Докажи, что не ведьма

Глава 1

Сознание возвращалось толчками, когда не поймешь, жив ты вообще или уже откинулся.

Первое, что я почувствовала, — тряску. Меня подбрасывало на чем-то твердом, и каждый толчок отдавался в затылок тупой болью. Второе — запах. Пахло мукой, старой тканью, лошадиным потом и еще чем-то кислым, что я не смогла опознать.

Я попыталась открыть глаза и тут же зажмурилась от неожиданности. Надо мной, в разрыве между ветками, висели звезды. Не привычные городские, редкие и бледные, а густые, яркие, словно их кто-то рассыпал пригоршней по черному бархату. Красиво, конечно. Но где я? В поход ушла? Я в походы не хожу. Я после смены падаю и не встаю.

— Но-о-о, пошла, — донеслось откуда-то спереди.

Скрип колеса, храп лошади, и снова мерзкая тряска.

Я лежала на спине и пыталась понять, что со мной. Голова чугунная, будто мешком по ней огрели. Во рту — пустыня Сахара. Тело ломило так, словно я сутки разгружала вагоны, а потом еще меня переехали. Точно. Что-то такое было.

Я замерла, прислушиваясь к себе. Воспоминания вспыхнули обрывками, как кадры испорченной пленки.

...Тротуар.

Вечер.

Душно.

Я иду домой после смены.

В ушах еще звучат сигналы аппаратов, крики бригады, запах жженой проводки с того пожара. Усталость. Кости ноют, веки слипаются. Домой. В душ. В постель. В кровать. В мою родную кровать с ортопедическим матрасом.

И вдруг… Визг тормозов. Рев мотора. Я оборачиваюсь и вижу только свет фар, слепящий, белый, невыносимый. Удар. Переворот. Асфальт. Пьяный мат. Темнота.

Я умерла?

Мысль пришла спокойная, почти равнодушная. Странно, но страха не было. После двенадцати лет на скорой смерть давно перестала быть чем-то пугающим. Она была просто частью работы, очередным вызовом, очередной записью в карте. Иногда мы успевали, иногда нет. Теперь, похоже, не успели. Ко мне.

Значит, умерла. И что теперь? Реинкарнация? И если да, то почему меня до сих пор тошнит от тряски? В раю такого не должно быть.

Я осторожно пошевелила пальцами. Ноги вроде слушались. Подвинула рукой. Под пальцами было что-то шершавое: ткань мешковины. Я лежала на мешках. Рядом, кажется,

какие-то свертки.

И тут я почувствовала это.

Щекотку.

Что-то касалось моей шеи. И плеча. И щеки.

Я провела рукой по лицу и наткнулась на прядь.

Длинную. Густую. Спутанную. Грязную.

— Что за... — голос сорвался, из горла вылетел только хрип.

Я приподнялась на локтях, пытаясь понять, что происходит. Волосы. У меня длинные волосы. Я мотала головой. Пряди лезли в лицо, липли к губам, путались в пальцах.

Я же стриглась! Чтобы не мешали! На работе вечно эти патлы лезут в глаза, когда кровь останавливаешь или трубку ставишь. Я полжизни потратила, чтобы найти мастера, который сделает нормальное каре, и еще полжизни, чтобы уговорить парикмахера сделать покороче, но не под мальчика! Господи, за что?! Я от них бегала, а тут... Это рай или ад? Ад. Точно ад.

— Очнулась?

Голос раздался прямо надо мной. Я дернулась и задрала голову.

В свете звезд я разглядела силуэт. Мужик сидел на облучке, полуобернувшись ко мне. В руке у него что-то тускло светилось: жестяной фонарь с мутными окошками. Фонарь. Настоящий фонарь. Как в музее. Сквозь них пробивался слабый, дрожащий огонек, освещая бородатое лицо, широкие

плечи, закатанные рукава рубахи.

— Очнулась, — повторил он утвердительно. — Лежи уже. Довезу.

— Где... — голос не слушался, пришлось откашляться. — Где я?

— У меня в телеге, — мужик говорил странно, с каким-то певучим выговором, но слова были английские. Стоп. Английские? Я понимаю английский? Я его в школе учила, в универе тоже был, но больше латынью голову забивали... Да и не так, чтоб свободно. А тут — понимаю каждое слово. И потом, это не совсем английский, слова какие-то старые. Откуда я вообще знаю, что они старые? Я ж не филолог. — На дороге подобрал, — продолжал мужик. — Лежала, как мертвая. Я уж думал, конец тебе.

— А.. — я пыталась собрать мысли в кучу. — А вы кто?

— Томас. Мельник я. Вон там, у реки, мельница моя, — он кивнул куда-то в темноту. — Ездил в город, муку возил. На обратном пути тебя и нашел.

Томас отвернулся и снова дернул вожжи.

— Но-о, пошла.

Я опустилась обратно на мешки и уставилась в небо. Звезды плыли надо мной, ветки деревьев качались.

Снова пощупала волосы. Длинные. Густые. Мои? Тело вроде мое: руки свои, шрам на локте (в детстве с велосипеда упала) на месте. Но волосы... Господи, дайте мне ножницы. Любые. Хоть тупые.

— Томас, — позвала я. — Какой сейчас год?

Мельник обернулся, и даже в темноте было видно, как он нахмурился.

— Ты головой, видимо, сильно приложилась, — сказал он после паузы. — Год от Рождества Христова тысяча шестьсот шестьдесят пятый. Июль месяц.

Я закрыла глаза.

Ну, здравствуй, реинкарнация. Тысяча шестьсот... Как там дальше? Шестьдесят пятый. Семнадцатый век. Англия, видимо. Чума как раз скоро? Мы это на истории медицины проходили. Великая чума в Лондоне, потом по всей стране... И как раз шестьдесят пятый — шестьдесят шестой. Весело. Просто весело. Попала, называется, отдохнуть.

— А ты не разговаривай, — буркнул Томас. — Ехать еще с полчаса. Отдохни.

Я и не спорила. Отдых так отдых. Если это смерть, то почему бы не подремать еще немного. А если не смерть...

Мысли путались. Тело ныло. Запах муки и лошади убаюкивал…

— Приехали.

Я открыла глаза. Телега стояла. В темноте вырисовывался темный силуэт дома, рядом угадывалось что-то большое. Мельничное колесо? Слышался ровный шум воды.

Томас спрыгнул с облучка, подошел ко мне. Протянул руку:

— Давай. Помогу.

Я ухватилась за его тяжелую, мозолистую ладонь и пальцами ощутила въевшуюся в складки кожи мучную пыль. Рука настоящая. Теплая. Рабочая. Он от меня не шарахается. Значит, я не призрак. И не труп.

Я кое-как сползла с телеги. Ноги подкосились, пришлось уцепиться за край, чтобы не упасть.

— Осторожно, — Томас поддержал меня за локоть. — Ноги-то держат?

— Держат... — выдохнула я. — Вроде.

Он повел меня к дому. Дверь оказалась не заперта: просто толкнул, и мы вошли.

Внутри было темно. Пахло деревом, золой и еще чем-то… травами или сеном?

Томас прошел куда-то в угол, чиркнул кресалом, и через минуту в доме затеплился слабый свет.

Кресало. Серьезно? Я знаю слово «кресало». Откуда? Из книг, наверное. Читала какие-то исторические романы... Или это память тела? Какая, к черту, память тела, я ж впервые тут… или нет?

Я уставилась на лучину. Она была воткнута в железный светец: простую кованую штуковину с расщепом. Господи, я и это знаю, оказывается. Да какая разница. Главное, я знаю, что света от него — кот наплакал.

Лучина горела неровно, трещала, коптила, но света давала ровно столько, чтобы разглядеть: небольшая комната, стол у стены, лавки, печь. На лавке у стены спал кто-то маленький.

— Мэри, — коротко сказал Томас, перехватив мой взгляд. — Моя дочь.

Я посмотрела на девочку. Она лежала на боку, поджав колени к груди. Даже в тусклом свете лучины было видно, как она мелко дрожит. И дышит... Я прислушалась. Дыхание было частым, с хрипами, и в конце каждого выдоха слышался тот самый звук: надрывный, сухой кашель, от которого у меня всегда сжималось сердце. Сколько таких детей я перевидала за свои двенадцать лет работы... Скольких отвезла по скорой в приемный покой.

Плохо. Очень плохо. Температура? Влажности нет, кашель сухой, затяжной. Если это воспаление... Без антибиотиков тут не справиться. Но у меня есть голова. И травы. Если они тут есть. Должны быть. Лес, лето…

Я шагнула к лавке, сама не заметив как. Ноги понесли раньше, чем мозг успел подумать. Оценить. Проверить. Помочь. За годы работы это въелось в подкорку: видишь больного, идешь к нему, не думая. Меня даже смерть не вылечила от профессиональной деформации.

Я опустилась на корточки рядом с девочкой и протянула руку ко лбу.

— Не тронь!

Томас перехватил мое запястье. Крепко, но не больно. Глаза его в свете лучины казались черными и настороженными.

— Не тронь мою дочь, — глухо повторил он.

Я замерла. Подняла на него взгляд: тот самый, каким я смотрела на пьяных родственников пациентов, на истеричных мамаш, на агрессивных мужиков у дверей их квартир, когда приезжали по вызову. Спокойно. Твердо. Без страха. Я таких перевидала вагон и маленькую тележку. И ничего, все в итоге слушались, когда видели, что я не боюсь.

— Я не сделаю ей плохо, — сказала я тихо. — Я просто хочу посмотреть. У нее, возможно, жар.

Томас смотрел на меня еще секунду, потом отпустил руку.

— Завтра, — сказал он. — Спи. Завтра разберемся.

Он кивнул на лавку у другой стены, где уже лежало что-то похожее на постель: охапка сена, прикрытая холстиной.

— Ложись.

Я посмотрела на девочку. Та снова закашлялась во сне, завозилась, и что-то прошептала неразборчиво, по-детски.

Завтра. Хорошо. Я завтра посмотрю. Если доживу до завтра. Если это вообще не сон.

Я поднялась, прошла к указанной лавке, села на сено. Волосы снова полезли в лицо, и я со злостью откинула их назад. Ненавидела. Всю жизнь ненавидела длинные волосы, а теперь они еще и грязные, спутанные, колтуном.

Господи, дай мне завтра воды. Просто воды. И чтоб эта девчонка дожила до утра. И чтоб я поняла, что это за хрень вообще со мной случилась.

Томас погасил лучину — просто затоптал пальцами, как окурок — и лег где-то в углу, на своей лежанке. Стало темно.

Я лежала и смотрела в потолок, которого не видела. Шум воды за стеной, стрекот сверчков, тяжелое дыхание девочки.

Если это воспаление, без антибиотиков... Но кора ивы тут есть? Должна, у реки. Жаропонижающее. Питье. Обтирания. Холодные компрессы. Если это не чума... Нет, на чуму не похоже. При чуме совсем другие симптомы. Но это я уже потом думать буду. Сначала — просто посмотреть.

Я провалилась в сон, так и не поняв, снится мне все это или нет. Но в глубине души я уже знала: это не сон. Сны так не пахнут. Сны так не трясут. И во сне не бывает такого отчаяния от собственных волос, лезущих в рот.

Глава 2

Я проснулась от скрипа. Нудного, ритмичного. И вода плескалась ровно в такт, непрерывно. В воображении само сложилось: огромное колесо зачерпывает воду снова и снова.

Мельница. Водяная мельница. Точно. Я на мельнице.

Солнце било в щели между бревен так, что пылинки в воздухе казались золотыми. И надо мной темные балки старого дома.

Я все еще здесь. Значит, не сон.

В доме никого. Только солнечные полосы на полу и запах дерева, золы и сухих трав. Мои лохматые одежки, в которых я вчера очнулась, были все еще на мне. Иначе как лохмотьями их назвать нельзя. И от них несло так, что меня подташнивало.

Надо спросить у Томаса, нет ли чего взамен. Не обязательно моего размера, лишь бы чистое. Гигиена прежде всего, особенно если собираешься осматривать больного ребенка. Сначала отмыться.

Я встала, ноги слушались уже лучше, и вышла из дома.

Мэри сидела на крыльце, поджав под себя босые ноги. Кашлянула в кулак и уставилась на меня своими огромными серыми глазами.

— Привет, — сказала я. — Ты Мэри?

Девочка кивнула, но с места не двинулась, только смотре-

ла во все глаза.

— А я…

Имя. Черт. Мое имя — Лиза. Лиза Спасская. Но здесь — Англия, семнадцатый век. Лиза — нормально? Элиза, наверное. Здесь так будет привычнее, чем просто Лиза.

— А я Элиза, — улыбнулась. — Твой отец меня вчера на дороге нашел.

Мэри снова кивнула и тихо спросила:

— Ты больна?

— С чего ты взяла? Нет, уже нет. А вот ты кашляешь, — я присела рядом на корточки. — Давно?

— Третий день, — шепнула девочка.

— Ладно, — я легонько сжала ее плечо. — Можно я потом тебя посмотрю? Сначала надо умыться, а то от меня разит так, что лошади шарахаются.

Мэри хихикнула и снова закашлялась.

Я поднялась и направилась к Томасу.

— Томас, мне бы помыться. И одежда... эта, — я кивнула на свои лохмотья, — ее носить невозможно. Нет ли у тебя чего-нибудь... другого?

Он молча кивнул и пошел в дом. Я за ним.

В углу стоял старый тяжелый сундук, окованный железом. Томас поднял крышку, порылся и достал женскую одежду: льняную рубаху, темно-зеленый лиф со шнуровкой, юбку из грубой шерсти, светлый фартук. Положил на лавку.

— Жены моей было, — сказал коротко. — Мать Мэри.

Умерла при родах. Пять лет назад.

Я посмотрела на одежду, потом на него. В голосе глухая боль, давно утратившая остроту, но все еще живая где-то внутри.

— Спасибо, — тихо сказала я. — Мне очень жаль.

Томас отвернулся к двери, но задержался:

— А тебя как звать?

Я замерла.

Дочери его я уже представилась. Но ему мало будет моего имени. Томас захочет знать больше. Откуда я? Почему я здесь? Врать? Не врать? Потеря памяти — вот что сработает. Стукнулась головой, ничего не помню. Объясняет все: и странности, и незнание местных порядков. Но имя-то можно назвать.

— Элиза.

— Откуда ты? С каких краев?

Я сделала паузу. Самую натуральную, как перед сложным ответом.

— Я.. не помню, — сказала медленно. — Помню только, как очнулась в телеге. А до этого — пустота. Ни откуда я, ни как здесь оказалась.

Томас смотрел долго. Изучающе, но без злости. Потом кивнул:

— Хорошо. Элиза значит. Если кто спрашивать будет, скажи, что родственница Томаса Беннета. Моя, значит.

Он вышел.

Я выдохнула.

Элиза Беннет. Ну да, почему бы и нет. Приемная дочь, племянница, бог знает кто. Главное, не ведьма. А то начну тут лечить, а они — на костер. В средневековье с этим строго.

Я взяла чистую одежду и пошла к реке.

За мельницей тропинка спускалась к воде. Река была неторопливая, широкая, с темными омутами у берегов. Я нашла место, скрытое кустами, и огляделась. Никого.

Разделась догола.

Стыдно? Стыдно. Но воняла я так, что самой тошно. Выбор очевиден.

Я зашла в воду. Тепленькая на удивление. И погрузилась с головой полностью, с макушкой.

Под водой терла голову, пыталась распутать колтуны пальцами. Они вязли, путались, но вода делала свое дело.

Господи, это просто катастрофа. Я ненавижу длинные волосы. Всю жизнь ненавидела. А теперь они еще и такие, что проще сбрить, чем расчесать. Но мыться надо. Терпи, Элиза. Терпи.

Вынырнула, перевела дух и снова. Терла голову, кожу, ногтями сдирала присохшую грязь. Вода вокруг мутнела.

Странно это все-таки. Если я умерла, почему на мне такая грязь? Или это последствия перемещения? Или потому что меня сбила машина? Вот урод какой-то! На тротуаре стояла, никого не трогала...

На берегу появилась Мэри. Уселась на траву и смотрела с детским любопытством, подперев щеку рукой.

— Ты чего голая? — спросила девочка.

Я мысленно хлопнула себя по лбу. Точно. В семнадцатом веке, наверное, если и купаются в реке, то в рубахе.

— Моюсь, подруга, — я фыркнула и выжала волосы. — А ты чего кашляешь? В реке перекупалась?

— Нет, — Мэри помотала головой. — Мы с отцом в деревню ездили, к Агнес. Муку отвозили. А у них там Стефан кашлял, сильно. Теперь вот я.

Я насторожилась:

— Стефан – это кто?

— Сын Агнес. Агнес говорила, что муж ее тоже слег. Оба, говорит, свалились.

Вот оно что. Не просто простуда, а контакт с больными. Если там что-то серьезное, Мэри могла подхватить.

— А Стефан давно кашляет?

— Не знаю, — Мэри пожала плечами. — Агнес сказала, с той недели.

Я мысленно прикинула сроки. Если с той недели, и Мэри только сейчас заболела — инкубационный период как раз. Надо будет завтра в деревню сходить, посмотреть, что там за эпидемия.

— Ладно, — сказала я вслух. — Вылезу, посмотрю и тебя, и Стефана твоего. Если успею.

Мэри посмотрела на меня круглыми глазами:

— А ты лекарь? Или…

Я замялась.

И кто я по-вашему? Знахарка? Ведьма? Фельдшер со скорой? А диплом-то мой в том мире остался, вместе со всей моей прошлой жизнью. И даже если б был, что я предъявила бы Томасу? Корочку с гербом и надписью на непонятном языке? А если серьезно, в этом веке женщины-врачи были только ведьмами, которых при случае сжигали. Надо срочно придумать легенду, пока не поздно.

— Как знать, Мэри. Как знать...

Вылезла из воды, выжала волосы — длинные, мокрые, теперь хоть чистые — и начала одеваться. Чистое белье, рубаха, юбка, лиф, фартук. Все немного великовато, но чистое. Пахло сухими травами.

Собрала свои старые лохмотья в комок.

— А это зачем? — спросила Мэри.

— Сожгу, — коротко ответила я. — Чтобы не воняло.

Да и мало ли что на этой одежде могло быть. Чума, например. В Лондоне она уже гуляет, а торговцы по всей Англии разносят. Не хватало еще в семнадцатом веке от чумы сдохнуть.

Мы пошли к дому.

— Пойдем-ка, подруга, — я взяла Мэри за руку. — Раз уж я чистая, давай-ка тебя осмотрю.

Глава 3

По дороге я свернула к кустам. Сунула поглубже свои лохмотья, под ветки: потом сожгу, когда время будет. Сейчас не до того.

У реки снова ополоснула руки, на всякий случай.

Вернулись к дому. Я посадила Мэри на крыльцо, на солнышко. Сама присела на корточки напротив.

— Ну-с, пациентка, — я попыталась улыбнуться, чтобы девочка не боялась. — Давай смотреть.

Что я могла сделать без фонендоскопа, градусника и всего остального? Да много чего. Глаза, руки, нос никто не отменял.

— Открой рот. Широко-широко.

Мэри послушно открыла. Я заглянула: горло красноватое, но не критично. Налета на миндалинах нет.

— Язык покажи. Умница.

Язык обложен белым: температура, обезвоживание.

Приложила ладонь ко лбу. Горячий. Градусника нет, но рука чувствовала: выше тридцати восьми, может, ближе к тридцати девяти.

— Голова болит?

— Угу, — кивнула Мэри.

— Горло?

— Не очень. Чуть-чуть.

Кашель. Сухой, надсадный, без мокроты. Я приложила ухо к груди: сначала спереди, потом сзади. Мэри хихикнула, щекотно.

— Потерпи, малыш. Дыши глубоко.

Слушала. Хрипов нет. Дыхание жестковатое, но чистое. В легкие пока не ушло.

— А ну-ка покашляй специально. Сильнее.

Мэри закашлялась: тот же сухой, лающий кашель.

Вирусная инфекция, скорее всего. Температура, кашель, слабость. На чуму не похоже: нет бубонов, нет головной боли такой, чтобы стену ломили. Если начать лечить сейчас — жаропонижающее, питье, покой — через три-четыре дня пойдет на поправку.

Я распрямилась, размяла спину.

Томас стоял в дверях, скрестив руки на груди. Смотрел хмуро, но молчал. Я поймала его взгляд.

— Девочка поправится, — сказала я твердо. — Если делать, что я скажу.

Он кивнул, но ничего не ответил. Отвернулся к столу: там уже дымилась похлебка, лежали лепешки.

— Садись ешь, — буркнул, не оборачиваясь.

Я села. Ела молча. Вкус странный, непривычный, но голод не тетка. Мэри ковырялась в своей миске без аппетита.

— Ешь давай, — я пододвинула к ней лепешку. — Силы нужны. Хоть немного.

Мэри послушно откусила маленький кусочек.

— Томас, — спросила я между делом. — Тут у реки ива растет? Дерево такое, ветки вниз к воде свешиваются.

Он кивнул:

— За мельницей. Вдоль реки полно.

— Кора мне нужна. С молодых веток. Нож дашь?

Томас молча достал из-за пояса нож: тяжелый, с деревянной рукояткой, протянул мне.

— Зачем?

— Лекарство для Мэри. От жара.

Он нахмурился, но нож не забрал.

— Пока меня не будет, — я кивнула на Мэри, — пои ее водой. Теплой. Много. Хотя бы по нескольку глотков. Понял?

— Водой? — переспросил он с сомнением.

— Водой. При температуре тело сохнет, это хуже любой болезни. Питье — первое дело.

Томас не ответил, но я видела: запомнил.

Я огляделась, заметила в углу плетеную корзинку ивовую, старую, но крепкую.

— Можно взять?

Он кивнул.

— Я скоро.

Вышла из дома, спустилась к реке.

Ивы росли прямо у воды: старые, разлапистые, свесившие ветви почти до самой реки. Я выбрала молодые побеги, те, что посветлее корой. Ножом срезала несколько веток, потом

аккуратно сняла кору. Она снималась легко, тонкими полосками.

Кора ивы — салицилаты. Природный аспирин. Жаропонижающее и противовоспалительное. То, что надо.

Сложила кору в корзину.

Пошла дальше вдоль реки. Влажная земля у воды, тут должно быть много чего.

Мята. Нашла сразу. Целая поляна у самого берега. Пахла так, что голова кругом. Сорвала несколько веточек.

Мята — от тошноты, от головной боли, успокаивает. Если живот схватит, если голова болит, пригодится.

Чуть дальше, на сухом пригорке, увидела ромашку. Мелкая, полевая, но пахла правильно. Набрала цветков.

Ромашка — горло полоскать. Можно и внутрь, как противовоспалительное.

Заметила крапиву подальше, у кустов. Молодая еще, не переросла.

Крапива — витамины, кровоостанавливающее. В хозяйстве пригодится.

И совсем рядом, на солнечной полянке, зверобой. Ярко-желтые цветы, пах терпко.

Зверобой — природный антидепрессант и противовоспалительное.

Набрала полную корзину. Листья, цветы, кору — все отдельно, чтобы не перепутать.

В Англии в июле этого добра полно оказалось. Главное,

знать, что искать.

Вернулась в дом. Томас возился у печи, Мэри сидела на лавке, закутанная в одеяло, пила воду. Послушалась.

— Умница, — похвалила я. — Пей, пей.

Разложила травы на столе. Кору ивы надо заваривать. Нашла горшок глиняный, с толстыми стенками, налила воды, поставила в печь.

Пока грелась вода, перебирала остальное. Мяту — сушить потом. Ромашку — отдельно. Крапиву — в пучок и подвешу.

Вода закипела. Я бросила туда коры горсть, не жалея. Пусть кипит медленно, пока не станет темной.

Достала чистую тряпицу: нашла на полке, мягкая, видно, для перевязок держали. Сложила, принесла миску с холодной водой из кадки.

Мэри смотрела на меня круглыми глазами.

— Сейчас, малыш. Сейчас сделаем так, чтобы тебе легче стало.

Я намочила тряпицу в холодной воде, отжала и приложила Мэри ко лбу. Девочка вздрогнула.

— Холодно?

— Угу.

— Потерпи. Это жар сбивает.

Подержала минуту, снова намочила, приложила к запястьям, к шее. Местные в этом веке, наверное, парят в бане при температуре и убивают больных. Холодные компрессы — вот что работает.

Отвар коры ивы уже настоялся, стал темно-коричневым, горько пах. Я отлила немного в глиняную кружку, разбавила теплой водой, чтобы не обжигало.

— Пей. Маленькими глотками.

Мэри поморщилась, но пила послушно. Я заставила выпить почти половину.

— Горько?

— Очень, — жалобно сказала девочка.

— Лекарство всегда горькое. Зато завтра легче будет.

Укутала Мэри в одеяло. Посадила на лавку, подложила под спину подушку.

— Сиди тихо. Не бегай, не прыгай. Просто отдыхай. Хочешь спать — спи.

Мэри кивнула, прикрыла глаза.

Томас все это время то заходил, то выходил: возился по хозяйству, принес рыбу, начал чистить. Но я видела: он краем глаза следил за каждым моим движением.

В очередной раз, войдя в дом, он остановился, глядя, как я поправляю компресс на лбу у Мэри.

— Ты ведьма? — спросил вдруг глухо.

Я подняла на него глаза. Спокойно, без страха.

— Нет.

Он ждал.

— Я – скорая помощь, — сказала я. — Услышала про беду у вас и прибыла по вызову. Видимо, долго шла, вот и упала на дороге. К счастью, ты проезжал мимо. Спасибо. Ты помог

мне, я помогу твоей дочери.

Томас смотрел долго, изучающе. Потом коротко кивнул и вышел.

Я выдохнула.

Лучше правда, чем легенды. А там разберемся.

Мэри допила отвар, еще немного посидела, глядя в одну точку, а потом глаза у нее начали слипаться. Я уложила ее на лавку, укрыла тем же одеялом.

— Спи, малыш. Завтра будет легче.

Она уснула быстро. Дыхание стало ровнее, кашель во сне уже не такой надсадный.

Томас возился у стола и готовил ужин. Рыбу кинул в котелок с водой и кореньями.

Я сидела у окна, смотрела, как темнеет небо.

— Далеко до деревни? — спросила я.

— Эйден рядом, — Томас кивнул в сторону реки. — За изгибом. Рукой подать.

— Кто там живет?

— Люди, — пожал он плечами. — Кто ж еще. Агнес. Семья ее. Еще староста, трактирщик, кузнец. Священник есть, Уильям Моррисон. Хороший человек.

— Большая деревня?

— Дворов тридцать. С лишним.

Я кивнула, запоминая.

Тридцать дворов. Агнес, священник Моррисон. Завтра надо сходить, посмотреть, что там творится.

Поужинали. Рыбная похлебка оказалась на удивление вкусной: травы, коренья, немного соли. Томас ел молча, я тоже не лезла с разговорами.

Когда стемнело, я взяла у Томаса факел смоляной, с железным наконечником, зажгла от печи и вышла во двор.

Сверток со старыми лохмотьями лежал в кустах, где я его оставила. Я отнесла его подальше от дома, к реке, чтобы ветер не нес дым на жилье.

Поднесла факел. Ткань занялась быстро: вспыхнула, затрещала. Пламя жадно пожирало грязь, въевшуюся за непонятно сколько дней.

Я смотрела на огонь и думала.

Вот так и сгорает моя прошлая жизнь. Коротко и с дымом. Теперь я Элиза. Элиза Беннет, родственница мельника. Знахарка, лекарь, кто угодно, лишь бы не ведьма. Но как доказать?

Мэри завтра будет легче. Я успела. Но в деревне Стефан кашляет, и муж Агнес слег. Если там чума... Надо сходить, посмотреть. Завтра же.

Томас поверил. Пока. Надо закрепить.

Одежда догорела. Я пошевелила палкой угли: осталось только пепелище. Ветер развеет к утру.

Вернулась в дом. Томас уже лег. Мэри тихо дышала во сне: ровно, спокойно.

Я прилегла на свою лавку, укрылась холстиной.

Завтра в деревню. Посмотреть, что там. А пока — спать.

Глава 4

Когда я проснулась, в доме уже было светло и тихо. Мэри не кашляла.

Я подошла к ее лавке, приложила руку ко лбу. Прохладный. Девочка дышала ровно, щеки розовые, не горели. Разбудила ее.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально, — сказала Мэри. — Есть хочу.

Я чуть не расхохоталась от облегчения. Аппетит — лучший показатель. Пока ест, будет жить.

Я оглядела нехитрые припасы Томаса. Мука есть всегда, мельник как-никак. В кладовке нашла кусок сала, лук, морковь, пару яиц. Видно, в деревне купил. Молоко, правда, закончилось.

Поставила сковороду в печь, бросила кусочек сала растопиться. Яйца взболтала, вылила на шипящую сковороду и быстро перемешала деревянной ложкой. Через пару минут яичница-болтунья была готова: пышная, золотистая, аппетитно пахла. Легко, сытно и не нагружает желудок больного ребенка.

Нарезала хлеб, положила рядом с яйцами.

— Ешь давай, — я пододвинула миску к Мэри. — Силы нужны.

Она ела с удовольствием, хоть и кашлянула пару раз. Тем-

пературы нет, кашель легкий, мокроты не появилось. Значит, в легкие, действительно, не ушло.

Сработало. Кора ивы, обтирания, вода. Сработало. Через пару дней вообще забудет, что болела.

Пока Мэри ела, я заварила свежий отвар коры ивы, на всякий случай, если температура снова подскочит. И ромашку заварила в другой кружке, настояла, остудила.

— А это зачем? — спросила Мэри, глядя на две кружки.

— Горло полоскать, — объяснила я. — Чтобы совсем прошло. Давай, попробуй. Набери в рот, запрокинь голову и подыши через горло, чтобы булькало. Потом выплюнь. Глотать не надо.

Мэри старательно повторила, закашлялась, но не от боли, от непривычки.

— Молодец, — похвалила я. — Теперь второй раз. И так несколько раз в день. Сама справишься?

— Ага, — кивнула она серьезно.

Я улыбнулась. Девочка толковая. Не бросит. Оставила ее с отварами и вышла во двор.

Томас уже возился у мельницы. Подошла к нему.

— Мне надо в деревню, — сказала я. — К Агнес. И к Стефану.

Томас глянул на меня, потом на дом, где оставалась Мэри:

— Одна пойдешь?

— Лучше ты со мной. Покажешь, что я твоя родственница, а то начнут вопросы задавать сразу. Кто такая, откуда,

почему лечу. А так скажешь: мол, племянница жены, сирота, прибилась. Поверят быстрее.

Томас подумал, кивнул.

— А как Мэри? — спросил.

— Малышка уже в порядке. Температуры нет, кашляет мало. Кушает хорошо. Я ей отвар и ромашку оставила, показала, как полоскать. Сама справится.

— Она привыкла, — кивнул Томас. — Я в город уезжал, и не на час. Одна оставалась. Не впервой.

Мэри как раз вышла на крыльцо, услышала разговор. Села на лавку, серьезная, как маленькая взрослая:

— Я посижу. Не маленькая уже.

Я улыбнулась, подошла, потрепала ее по голове:

— Умница. Мы скоро вернемся. Никому дверь не открывай. Если что, кричи.

Она кивнула. Томас собрался, взял с собой нож. Я прихватила корзину: в ней оставалась кора ивы, немного ромашки и мяты. Пригодятся.

Собрались и двинулись вдоль реки. Тропинка вилась среди кустов, местами выходила к самой воде. Солнце уже припекало, стрекозы стрекотали, пахло рекой и мятой.

На пригорке, среди камней, заметила чабрец — мелкие лиловые цветы, терпкий запах. Присела на корточки, набрала пару горстей.

— Тоже полезно, — пояснила я Томасу. — От кашля, от простуды. Да и просто чай душистый будет.

Он кивнул, но ничего не сказал. Я сунула чабрец в корзину, и мы пошли дальше.

Томас шел молча, я тоже не лезла с расспросами. Но потом он сам заговорил:

— Деревня наша Эйден называется. Люди простые, кто на земле работает, кто скотину держит. Староста Роберт, мужик тяжелый, но справедливый. Священник у нас есть, Уильям Моррисон. Хороший человек, хоть и строгий.

— Агнес? Мэри о ней говорила, — спросила я.

— Агнес – баба справная. Муж ее, Джон, плотничал раньше, да вот слег. Стефан – сын их, один остался, другие померли во младенчестве. Тяжело ей.

Я слушала, запоминала.

— А чума? — спросила прямо. — Была уже?

Томас покачал головой:

— В Лондоне, говорят, мор. К нам пока не доходила. Но люди боятся. В деревне тихо стало.

И правда, когда деревня открылась за поворотом, я увидела, что он не преувеличивал. Дома стояли вдоль одной улицы, церковь на пригорке, трактир у дороги. И тишина.

Солнце в зените, разгар дня, а на улице — ни души. Ни баб у колодца, ни детей с криками, ни мужиков с инструментами. Двери закрыты, ставни на многих окнах тоже закрыты. Только где-то вдалеке залаяла собака и сразу замолкла.

Из одного дома донесся надсадный, тяжелый кашель. Из другого — женский плач, приглушенный, будто в подушку.

Тишина нехорошая. Люди боятся. Или уже болеют.

— Пойдем, — Томас кивнул на крайний дом у леса. — Там Агнес живет.

Томас постучал. Долго никто не открывал. Потом щелкнул засов, и дверь приоткрылась.

На пороге стояла женщина лет тридцати, но выглядела старше. Темные волосы выбивались из-под платка, лицо бледное, осунувшееся, под глазами тени, губы потрескались. Красота уже выцвела от работы и горя.

— Томас? — она удивилась, перевела взгляд на меня. — А это кто?

— Элиза, — сказал Томас. — Родственница моя, по жене. Мэри вылечила. Вот пришли, может, и вам поможет.

Агнес смотрела на меня с сомнением, но посторонилась, впуская.

В доме пахло болезнью: тем самым тяжелым запахом, который я знала слишком хорошо. Запах пота, немытого тела, застоявшегося воздуха и чего-то еще, гнилостного.

На лавке у стены лежал мужик – муж Агнес, Джон. Дышал тяжело, с хрипами, лицо серое, глаза закрыты. Даже не пошевелился, когда мы вошли. Я сразу поняла: плох. Очень плох.

Рядом, на сундуке, сидел Стефан, лет пяти, худой, светловолосый. Смотрел на меня большими глазами и кашлял тем же сухим кашлем, что и Мэри.

Я подошла сначала к Джону. Приложила руку ко лбу: го-

рел, как печка. Послушала грудь. Хрипы были, влажные, с клокотаньем, слышно даже без фонендоскопа. Пульс частый, слабый, дыхание поверхностное. Он не реагировал на прикосновения: сознание уже на грани.

Пневмония, двусторонняя, запущенная. Без антибиотиков не вытащить. Даже с антибиотиками — шансов мало. А здесь... Здесь никаких шансов.

Я выпрямилась и поймала взгляд Агнес. В нем была та обреченная надежда, которую я видела сотни раз у родственников тяжелых больных. Но надо было идти дальше. Подошла к Стефану.

Присела на корточки, улыбнулась:

— Привет, Стефан. Я Элиза. Дай посмотрю тебя.

Он послушно открыл рот, показал язык. Горло красное, но не критично. Температура есть, но не высокая, рука чувствовала. Послушала грудь, хрипов нет. Дыхание жестковатое, но чистое. Тот же вирус, что у Мэри, запущенный, но легкие пока чистые.

— Ты молодец, — сказала я. — Скоро поправишься.

Поднялась, посмотрела на Агнес:

— Стефана я вылечу. А муж... — я замолчала, подбирая слова. — Я буду делать все, что могу. Но ты должна понимать: он очень плох. Очень. Давно он так?

Агнес всхлипнула:

— Третью неделю. Сначала кашлял, как Стефан, потом слег. Уже и не встает. Я уж и не знаю...

— Сына поднимем, — твердо сказала я. — Обещаю. А за Джона будем бороться. Но ты должна делать все, что я скажу. Поняла?

Агнес кивнула, вытирая слезы.

Я разложила припасы. Кору ивы заварила в горшке, поставила на огонь. Пока закипало, объясняла Агнес:

— Смотри. Сначала обтирания. Вода холодная, добавишь туда немного уксуса, если есть, — я знала, что в любом хозяйстве уксус найдется, он тогда и как приправа, и как лекарство ходил. — Вот тут, под мышками, на шее, на лбу. Жар сбивать. Если температура не спадет, обтирать все тело.

Агнес слушала внимательно, потом кивнула:

— Уксус есть. В погребе стоит.

— Вот и хорошо. Воду с уксусом сделаешь и обтирай.

Она помолчала, потом спросила с сомнением:

— Холодной? Хуже бы не стало. Простынет еще больше.

— Его убьет температура, а не вода, — отрезала я. — Делай, как говорю.

Вода закипела. Я залила кору, дала настояться. Отлила в кружку, разбавила теплой водой, дала Стефану:

— Пей. Маленькими глотками. Горько, но надо.

Он послушно пил, морщился, но пил. Агнес смотрела и запоминала.

— Ему тоже давай, — я кивнула на Джона. — Вливай, если сам не может. По ложке, по глотку. Питье — первое дело.

Томас все это время стоял у двери, потом молча взял ведро и пошел за водой. Вернулся, поставил у печи.

Стефан допил отвар, прилег на лавку, глаза у него начали слипаться. Я укрыла его одеялом.

— Пусть спит, — сказала я. — Во сне легче выздоравливать.

Я оглядела Агнес: бледная, измученная, под глазами тени. Тоже мне, медсестра на передовой, только без выходных.

— Ты сама тоже пей, — сказала я. — Крапиву завари, или ромашку, чабрец или тимьян другими словами. У вас тут растет все, собирать только. Витамины нужны, силы. Если сама свалишься — кто за ними смотреть будет?

Агнес кивнула устало, но я видела: запомнила.

Мы вышли с Томасом. Я еще раз пообещала Агнес завтра прийти. И тут же, у крыльца, нос к носу столкнулись со священником.

Высокий, худой, с бледным лицом и светлыми глазами. Уильям Моррисон, поняла я.

Он остановился, глядя на нас с Томасом с легким удивлением. Видно, нечасто тут чужих видят.

— Томас? — спросил он, переводя взгляд с мельника на меня. — А это кто с тобой?

— Родственница моя, — Томас кивнул на меня. — Элиза. По жене племянница. Сирота, прибилась ко мне.

Священник смотрел на меня изучающе, без улыбки.

— Чем занимаешься, Элиза? — спросил он. Голос тихий,

но твердый.

— Лечу, — ответила я спокойно. — Травы собираю, отвары делаю.

— Лечить надо молитвой, — сказал он. — А не травами.

Я вздохнула. Спорить не хотелось, но и молчать было нельзя.

— Молитвой сыт не будешь и рану не заживишь, — ответила я. — Но молиться тоже надо. Вместе, наверное, лучше. Вы молитесь, я лечу. Авось и поможет.

Он смотрел долго, изучающе. Потом кивнул, развернулся и пошел к церкви.

— Не любит он такое, — тихо сказал Томас. — Строгий.

— Ничего, — ответила я. — Переживу.

Пошли обратно вдоль реки. Солнце уже клонилось к закату, тени стали длинными.

У самой мельницы я остановилась.

— Подожди, — сказала Томасу. — Я сейчас.

Спустилась к реке. Разделась до пояса, вошла в воду. Холодновато уже, вечером вода остывает, но терпеть можно.

Терла руки, лицо, шею тщательно. Прополоскала волосы, хоть и муторно было с ними возиться. Кто знает, чего я в том доме нахваталась. Если у них там чума или что похуже, тащить это к Мэри нельзя.

Вылезла, натянула одежду обратно. Мокрая, но чище.

Томас ждал на тропинке, смотрел вопросительно.

— На всякий случай, — пояснила я. — Чтобы Мэри не

принести чего. И ты давай тоже. Раздевайся, полезай в воду.

— Чего? — Томас уставился на меня так, будто я предложила ему на луну прыгнуть.

— Говорю, мойся давай. В реке. Тоже в доме у Агнес был, с больными контактировал. Нечего заразу на себе таскать.

Он помялся, но спорить не стал. Отвернулся, стянул рубаху и полез в воду. Я отвернулась, слышала только плеск и его недовольное кряхтенье.

Когда вылез, оделся, подошел ко мне, все еще хмурый, но молчаливый.

— И еще, — сказала я. — Дома крапиву заварим. Витамины. Чтобы не заболеть. В ней силы много.

Томас кивнул, ничего не сказал, но в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Подошли к дому. Мэри сидела на крыльце, как маленький сторож, и улыбалась.

— Я воду носила! — похвасталась она. — И дрова сложила!

— Умница, — я потрепала ее по голове. — Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Есть хочу.

Я рассмеялась.

Томас разжег огонь, сварил похлебку. Поужинали втроем. Мэри ела с аппетитом, почти не кашляла.

После ужина я вышла на крыльцо, села на лавку. Солнце садилось за реку, вода темнела, стрекозы стихли.

Томас вышел, сел рядом, молчал.

— Тяжело там, — сказала я. — У Агнес.

— Выживет кто? — спросил он.

— Стефан – да. Муж... не знаю. Шансов мало.

Томас кивнул, помолчал, потом сказал:

— Ты если что, говори. Помогу.

— Спасибо.

Легла на свою лавку, укрылась холстиной. В доме тихо, только Мэри дышала ровно да сверчки стрекотали за окном.

Деревня Эйден. Тридцать дворов. Тишина нехорошая. Завтра опять туда.

Если это чума — тогда все сложнее. Тогда одной травой не обойдешься. Тогда нужен карантин, изоляция, вода, уход. И удача. Много удачи. Без нее никак.

Глава 5

Я проснулась рано. Мэри спала крепко, дышала ровно. За ночь ни разу не закашляла. Я подошла, потрогала лоб: прохладный. Очень хорошо. Выздоравливает. Значит, правильно я все делала.

Томас уже возился во дворе: мельница работала, колесо скрипело, вода шумела. Я вышла к нему.

— Мне опять надо в деревню. Проведать Стефана и...

Томас глянул на меня:

— Одна?

— Ты нужен здесь. Работай. Да и Мэри при тебе спокойнее.

Он кивнул, но в глазах мелькнуло беспокойство.

— Люди там всякие, — сказал он. — Языками треплют уже. Вчера в деревне видели.

— Знаю, — ответила я.

Хуже, чем уже было, не будет. Я уже умерла один раз, по крайней мере, мне так казалось. Что мне эти языки? Жизнь взаймы дали, вот и жила пока. А там, будь что будет.

Собрала корзину: коры ивы взяла побольше, ромашку, мяту, крапиву. Нож свой проверять не стала: тот, что Томас дал, был острый, надежный.

— К обеду вернусь, — сказала и пошла вдоль реки.

Шла быстро, солнце только поднималось, но уже припе-

кало. Вчерашняя тишина в деревне не отпускала: чутье подсказывало, что сегодня будет не легче.

Когда подходила к крайним домам, заметила движение. Возле одного крыльца стояла баба с ведром, замерла, уставилась на меня. Я кивнула. Она перекрестилась и шмыгнула в дом.

Дальше, мужик у сарая колол дрова. Увидел меня, топор замер в воздухе, проводил взглядом и сплюнул вслед.

У дома Агнес сидела старуха на завалинке. Глянула исподлобья, прошамкала:

— Ведьма идет...

Я остановилась, посмотрела на нее спокойно:

— Ведьмы, бабушка, на метлах летают. А я пешком. Сами видели.

Она захлопала ртом, но ничего не ответила.

Слух пошел. Быстро. Кто-то за, кто-то против. Ладно, не до них.

Постучала. Открыли сразу. Агнес выглядела чуть лучше, чем вчера, но все равно измученно.

— Как они? — спросила я, проходя.

Подошла к Стефану. Мальчик сидел на лавке, глаза уже не такие мутные, кашлянул пару раз сухо, но реже. Температуры нет. Послушала грудь: чисто.

— Молодец, — похвалила. — Хорошо идешь.

Перевела взгляд на лавку у стены:

— А Джон?

Джон лежал там же, дышал тяжело, с хрипами. Лицо серое, глаза запали. Тронула лоб: горел, как и вчера. Пульс слабый, частый.

Без изменений. Организм борется, но сил мало. Нужны антибиотики, но где ж их тут взять в тысяча шестьсот шестьдесят пятом... Остается только кора ивы, вода и надежда. А надежда — штука ненадежная.

Я выпрямилась, посмотрела на Агнес:

— Продолжай. Обтирания, отвар, поить. Делай, что я вчера показала.

Она кивнула, вытирая слезы.

Я снова посмотрела на Стефана: мальчишка сидел тихо, но видно было, что силы возвращаются. Надо подумать, чем еще помочь, чтобы мальчишка быстрее оклемался.

— В огороде у вас что растет?

— Лук, репа, морковь, — Агнес перечислила. — Капуста есть. Ягоды в лесу.

— Лук давай, — сказала я. — Мелко режь, залей кипятком, настаивай. Потом этот настой давай ему пить: по глотку, несколько раз в день. От кашля помогает и вообще – сила.

Агнес кивнула, запоминая.

— И если мед есть, то ложку меда в теплое молоко на ночь. Сон лучше будет.

— Мед есть, — сказала она. — Свой, прошлогодний.

— Вот и хорошо.

Тут в дверь постучали. Агнес открыла. На пороге стоя-

ла молодайка, бледная, заплаканная, с ребенком на руках. Мальчик лет трех, ревел в голос, прижимал руку к себе.

— Ты... лекарь? — спросила она, глядя на меня с надеждой и страхом.

— Заходи, — сказала я. — Что случилось?

Она зашла, размотала тряпку на руке у мальчика. Палец — указательный — распух в два раза, красный, с синюшным отливом, из ранки сочился гной. Воняло.

Я взяла руку ребенка, он заорал громче.

— Давно?

— Третий день, — всхлипнула мать. — Сначала порезался, я травкой приложила, думала, пройдет. А ночью его лихорадило, кричал. Палец вот такой стал...

Абсцесс. Заражение начинается. Если не вскрыть — сепсис, а там и до смерти недалеко.

— Вскрывать надо, — сказала я. — Гной выпускать, чистить. Иначе руку потеряет, а то и жизнь.

Мать побелела:

— Резать? Ты что, резать будешь?!

Я посмотрела на нее в упор. Без злости, без жалости. Спокойно.

— Ну, или дай сыну умереть. Ты баба здоровая, себе еще нарожаешь.

Она дернулась, как от пощечины.

— Или все же будем спасать? — спросила я.

Мать смотрела на меня, на ребенка, снова на меня. Потом

кивнула, закусив губу.

— Спасай.

Я огляделась.

— Кипяток нужен. Много. Нож острый. Чистая ткань, много ткани. И водка или спирт, если есть.

Мать заметалась, но Агнес вмешалась:

— У меня есть. Сейчас.

Она принесла тряпицы чистые. Соседка поставила котелок на огонь.

Я достала нож: тот, что Томас дал. Положила в кипяток.

У дверей уже слышался гул: любопытные пересилили страх болезни, подтянулись посмотреть на чудо-лекарку.

— Пусть стоят, — буркнула я. — Мне не мешают.

Вода закипела. Я вытащила нож, подержала над огнем для верности.

Нестерильно, конечно, но для этого века — космос. Хоть что-то.

Мать держала ребенка, Агнес стояла рядом, готовая подать.

— Крепко держи, — сказала я. — Больно будет.

Я присела на корточки, взяла руку мальчика. Палец распух, кожа натянулась до блеска. Нащупала место, где гной ближе всего к поверхности.

Ребенок орал, дергался, но мать держала крепко. Молодец, не растерялась.

Я сделала надрез. Небольшой, но глубокий, чтобы выпу-

стить все.

Гной хлынул: желто-зеленый, с кровью, вонючий. Мальчик зашелся в крике. Агнес отвернулась, но тряпку подала.

Я краем глаза заметила движение в углу: Стефан приподнялся на локтях и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Глаза круглые, рот приоткрыт. Ни страха, ни отвращения, одно чистое детское любопытство.

— Отвернись, — буркнула я. — Нечего тебе на это смотреть.

Но он только мотнул головой и уставился еще пристальнее.

Я надавила, выдавливая остатки.

— Что это у тебя? — кивнула на бутыль, что Агнес держала в руках.

— Настойка на травах, — она пожала плечами. — Сама делала.

Я взяла, понюхала. Крепкая. Хоть что-то антисептическое.

Промыла рану водой кипяченой, потом этой настойкой. Залила еще раз, промокнула чистой тряпкой. Перевязала плотно, но не туго.

Поднялась, разогнула спину.

— Готово.

Мать смотрела на меня круглыми глазами. Ребенок все еще всхлипывал, но уже тише.

— Завтра приду, перевяжу, — сказала я. — Рану не мо-

чить. Повязку не снимать. Если снова начнет лихорадить — сразу зовите. Где искать, знаете.

Мать кивнула, прижимая сына.

— А пока дайте ему отвар ромашки, слабенький. Пусть пьет в течение дня. Успокоит.

Я выдохнула, вытерла руки о фартук и вышла на крыльцо.

У дома стояло человек десять, может, больше. Мужики, бабы, дети даже выглядывали из-за спин. Смотрели с ужасом и любопытством.

Кто-то шепнул:

— Ведьма...

Другой голос, женский:

— Знахарка она. Агнес вон сына подняла, говорят, да дочку мельника.

Третий, мужицкий:

— Резала дите, я видел. Кровь пускала.

Я стояла молча. Смотреть на них не было сил, но и уйти просто так – значит показать слабость.

Вперед вышла та самая старуха с завалинки:

— Ты нечистая сила! Зачем пришла?

Я глянула на нее устало:

— Лечить пришла, бабушка. Если вам не надо, идите с богом. Я не навязываюсь.

И пошла сквозь толпу. Они расступились нехотя, с опаской, но расступились.

Обратно шла быстро. Солнце уже припекало по-настоя-

щему, но меня знобило: то ли от усталости, то ли от всего сразу.

На мельнице Томас возился с мешками. Увидел меня, отложил дела, подошел.

— Ну как?

Я села на крыльцо, выдохнула.

— Стефану лучше. Завтра опять пойду. А мужа Агнес... не знаю. Не протянет.

Томас кивнул, сел рядом. Помолчал, потом сказал:

— Слышал я, ты там мальчишке палец резала.

— Откуда? — удивилась я.

— Люди говорят. Уже до мельницы слухи долетели.

Я вздохнула.

— Было дело. Абсцесс. Если б не вскрыла, заражение крови и все.

Томас смотрел на меня долго, изучающе. Потом сказал:

— Зря ты это. Теперь не отстанут. Либо зауважают, либо сожгут.

Я усмехнулась:

— Оптимист ты, Томас.

— Я серьезно, — он не улыбнулся. — Люди темные. Боятся того, чего не понимают.

— Я не могла иначе, — ответила я. — Это моя работа.

— Работа, — повторил он. — Так кто ты на самом деле, Элиза?

Я посмотрела на реку. Вода текла, не останавливаясь, все

так же, как сотни лет до нас.

— Я уже говорила, — сказала тихо. — Скорая помощь. Услышала беду — пришла. А там как будет.

Томас кивнул. Больше ничего не спросил, только смотрел на реку, как и я.

Тут дверь скрипнула. Мэри вышла на крыльцо, прижалась ко мне, засопела. Теплая, живая, почти здоровая.

Я гладила ее по голове и думала.

Стефан будет жить. Мальчишка с пальцем — тоже. А Джон? Не знаю. Не все в моей власти.

Толпа сегодня — только начало. Если чума придет, будет хуже. Гораздо хуже.

Но пока я здесь. И пока я могу, буду делать свое дело.

Глава 6

Я подходила к деревне и еще издали увидела странную картину. Агнес одна, без посторонней помощи, волокла что-то тяжелое к небольшому холмику у края поля. Даже не кладбища.

Когда подошла ближе, сердце ухнуло вниз.

Тело Джона было замотано в холстину. Агнес тащила его волоком: сил нести не было. Ноги у нее подкашивались, она спотыкалась на каждом шагу, но продолжала тянуть.

Лошади у них не было. Джон плотник. Был. Простой человек. Лошадь – дорогое удовольствие, только зажиточные могли себе позволить. Да и кто поможет, если все сидят по домам, боясь заразы?

Я подбежала, хотела помочь. Агнес выставила руку:

— Не подходи. Мало ли... вдруг он все еще заразный.

— Дура, — сказала я, отводя ее руку и хватаясь за край холстины. — Какая разница, заразный или нет? Я уже сто раз с ним контактировала.

Агнес выбилась из сил. Лицо залито слезами, губы тряслись, но она продолжала тащить. Мы вдвоем дотянули тело до ямы: неглубокой, видно, Агнес сама копала, сколько сил хватило.

Агнес опустилась на колени рядом и заговорила сквозь слезы:

— Вторую ночь не спала, все с ним сидела... Отвар твой вливала, обтирала... А он утром не проснулся.

Я молчала. Внутри все сжалось в тугой узел.

Я знала. Знала, что не вытащить. Без антибиотиков, без капельниц, без всего… шансов не было. Но почему так паршиво-то? Почему каждый раз, когда кто-то уходит, чувствуешь себя виноватой, даже если сделала все, что могла?

Вдвоем мы опустили тело в яму. Агнес попыталась читать молитву, но сбилась и просто заплакала.

Тут подошел священник. Уильям Моррисон. Бледный, осунувшийся, под глазами глубокие тени, но держался прямо.

Он остановился рядом, посмотрел на яму, на Агнес, на меня. Потом начал читать молитву. Тихо, но твердо. Агнес всхлипывала, но крестилась.

Когда закончил, священник взялся за лопату и помог закидать яму землей. Работали втроем быстро и молча.

Холмик готов. Агнес положила сверху самодельный крест из двух связанных веток.

Священник повернулся ко мне:

— Сегодня утром еще двоих хоронили. Томаса-кузнеца и жену его. Вчера вечером отошли.

Я похолодела.

— Я не видела их. Почему мне не сказали?

Он покачал головой:

— Боятся. Кричат, что ты ведьма, что порчу навела. К ним

и меня не сразу пустили, только когда уже при смерти были.

Он замолчал, потом добавил тихо:

— А до них еще трое. За эти дни. Мор начался, Элиза.

— Откуда? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Портной из Лондона приехал. Недели полторы назад, еще до того, как ты появилась. Ткани привез, новые, красивые. Бабы наши обрадовались, заказывали кто платье, кто рубахи. А он... через три дня слег. А через пять – умер. И теперь те, кто у него заказывал, один за другим...

Я слушала и внутри считала.

Полторы недели. Инкубационный период как раз. Блохи в тканях – классика. Чума пришла в деревню еще до меня. А я тут со своими травками, Мэри лечила, Стефана выхаживала, а в это время люди умирали в других домах. И никто меня не звал. Никто не верил.

Священник продолжал:

— Люди не понимают. Они видят: ты пришла и началось. Для них ты – чужая, непонятная. Лечишь не так, как они привыкли. Говорят, что мор – это твоих рук дело.

Я посмотрела на него:

— А ты? Ты тоже так думаешь?

Он молчал долго. Потом ответил:

— Я видел, как ты Стефана подняла. Как мальчишке тому руку спасла. Я не верю, что ты ведьма. Но люди... — он вздохнул. — Им нужны доказательства.

Я кивнула, но краем глаза заметила что-то странное. Свя-

щенник говорил правильные слова, но глаза у него... пустые, что ли? И крест на груди теребил нервно, будто не молитву искал, а просто... нервничал.

Странный он какой-то. Деревенские орут «ведьма», вилы точат, а он спокоен. Даже слишком. Будто ему все равно. Будто он уже ничего не боится. Почему?

Я присмотрелась внимательнее. Бледный, осунувшийся – это понятно. Но не только. Во взгляде что-то... мертвое.

Или мне кажется? Или у него свое горе, о котором молчит? Ладно, потом разберемся. Сейчас не до того.

— Покажи мне тех, кто болеет, — сказала я. — Тех, к кому еще можно зайти.

Священник колебался:

— Не пустят. Боятся.

— С тобой пустят. Ты же святой отец.

Он посмотрел на меня долго, потом кивнул.

Первый дом. На пороге стоял мужик с вилами, смотрел волком. Священник сказал: «Я велел. Пропусти». Мужик нехотя отодвинулся.

В доме на лавке лежала женщина. Металась в жару, рубаха расстегнута, под мышкой огромная, с куриное яйцо, багровая шишка. Я тронула: горячая, плотная, болезненная. Рядом на коже – черные пятна.

Бубон. Воспаленный лимфоузел. Классический чумной бубон. Температура, пятна – все сходится.

Джон умер от пневмонии. Где подхватил – непонятно, но

это было не то. Не чума. А вот если бы я увидела такое раньше... если бы меня пустили к другим...

Мысли заметались, но я тряхнула головой, отгоняя их.

Не думать об этом. Думать, что делать дальше.

Вышли. Священник повел к следующему дому. Там мужик без сознания, бубоны на шее, дыхание хриплое, лицо синюшное.

Третий дом. Ребенок лет семи, бубон в паху, плакал от боли. Мать сидела рядом, не знала, что делать.

Я вышла на улицу. Руки дрожали. Я знала это. По описаниям, по картинкам, по истории медицины. Черная смерть. Без антибиотиков – приговор. Я ничего не могла сделать. Почти ничего.

Мысли заметались.

Первая мысль: бежать. Забрать Мэри, Томаса, уйти подальше.

Вторая: куда? Чума уже здесь. Если уйти, можно разнести заразу дальше. Да и не пустят теперь: запрут, сожгут вместе с больными.

Третья, самая страшная:

Я не могу уйти. Я фельдшер. Я не бросала больных никогда. Даже когда знала, что шансов нет.

Я повернулась к священнику. Он стоял бледный, смотрел на меня с надеждой и страхом.

— Элиза, — сказал он тихо. — Люди требуют... Они говорят, что ты наслала мор. Что ты ведьма. Они хотят тебя

сжечь.

Я молчала.

— Я пытался их остановить, — продолжал он. — Говорил, что ты помогала, что дети выздоровели. Но они не слушают. Они в панике. Им нужен виноватый.

Он посмотрел мне прямо в глаза:

— Докажи, что ты не ведьма.

Я смотрела на него, на дома, откуда доносились стоны, на холмик свежей могилы, где лежал Джон. Перевела взгляд на деревню. На закрытые ставни. На лица в окнах: испуганные, злые, потерянные.

— Я останусь, — сказала я. — Я буду лечить тех, кто позволит. А они пусть смотрят. И решают.

Священник кивнул. Медленно развернулся и пошел к церкви.

Я стояла одна посреди улицы. Вокруг тишина, только где-то плакал ребенок и кашлял больной.

Ну что ж. Докажем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.